

Костючук Лариса Яковлевна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
Псковского государственного
университета

СЛОВО О ДРЕВНИХ СТАРОСЛАВЯНСКОМ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКАХ (к их значимости для русского)

Знание языков обогащает человека: через язык открывается доступ к ценностям культуры. Каждый народ гордится древностью своего языка, его письменной формой, тем более если она имеет свою древнюю историю.

Речь пойдёт о древних языках письменной культуры славян — «старославянском» и «церковнославянском», без которых невозможно как следует понять и оценить достижения народов в разных сферах науки, культуры, искусства, в частности восточнославянских и непосредственно русского.

Старославянский язык — это язык, зафиксированный в тех древнейших славянских письменных памятниках конца IX – первой трети XI вв., которые продолжили традицию переводов с греческого и латинского языков на специально созданный в IX веке (863 г.) для богослужебных целей славянский язык. Дань уважения и благодарности отдаёт славянство талантливым создателям этого языка — солунским братьям Константину (в монашестве перед кончиной Кириллу) и Мефодию и их ближайшим ученикам, помогавшим своим Учителям переводить и переписывать для славян прежде всего «Апостол», «Евангелие», «Псалтырь» на специальный славянский язык, созданный на основе того южнославянского диалекта в Гре-

ции, который Константин и Мефодий знали с детства, который был близок к древнемакедонскому, близкому древнеболгарскому. Создали они старославянский язык как письменный книжный для сакральных, религиозных нужд по просьбе правителя Великой Моравии в центре Европы, князя Ростислава, для того, чтобы славянское население княжества могло понимать священную речь христианского богослужения; а это, в свою очередь, сплачивало бы подданных государства. После этого славянский язык, наряду с греческим, латинским, древнееврейским, становился достойным нести христианские идеи в широкие славянские круги верующих.

В пору создания старославянского языка (в XIX веке его называли и «*древнецерковнославянским*»), а болгары и сейчас называют («*древнеболгарским*») и в ближайшие столетия по треть XI века сначала им пользовались западные славяне (для которых и была выполнена Константином и Мефодием миссия по просьбе моравского князя Ростислава), затем южные славяне на Балканах (куда переселились со своей работой ученики первоучителей после страшных религиозно-политических гонений в Центральной Европе), а с 988 года — восточные славяне (древние русичи) с принятием князем Владимиром христианства в Киеве. Все эти народы хорошо понимали старославянский язык, так как у древних славян в древности было большее языковое единство. Значит, со старославянским языком они не только получали знания религиозных произведений, но и усваивали общие традиции культуры. Ведь старославянский язык как язык культуры впитал заимствования из греческого, латинского языков (**монахъ, икона ...**), словообразовательные структуры сложных слов (**благословение, благодарить ...**), отдельные синтаксические структуры (например, «*дательный самостоятельный*»), который состоит из независимых имени и причастия, которые предполагают субъект и его действие, поэтому и по смыслу переводится на русский язык соответствующим придаточным: «...**ішьдъшю ж ємоу въ врата оузьрѣ и**

Дроугаѣ...» “Когда вышел он [Петр] в ворота, увидела его другая [работница]”).

Старославянский язык создавался в период расцвета христианства. Константин-Кирилл и Мефодий, не имея иногда греческих аналогов (слов) для обозначения соответствующих христианских понятий или не удовлетворяясь ими, прибегали к словотворчеству на материале знакомого им славянского диалекта: **жрьць, сватитель, сваштеникъ, унститель** (‘священнослужитель’). Священные тексты получали и богословское, и философское осмысление, поэтому необходимы были не бытовые слова, а слова с особыми значениями. Многие ключевые понятия старославянского языка оказались названными многозначными славянскими словами, соотносимыми прежде всего с идеей Бога: **доу хъ** — это и ‘Святой Дух’ («**свѣтаго доуха съшествие**»), и ‘демон’ («**на доусѣхъ неустыхъ**»), и ‘дуновение’ («**доу хомъ боу рѣномъ**»). Славянские слова приспособлялись к особым значениям из религиозно-нравственной сферы.

Итак, на этом первом, древнейшем международном книжном литературном языке создавались прежде всего религиозные труды (переводились, переписывались, копируясь в традициях Константина и Мефодия). Сначала с использованием *глаголического славянского алфавита*, изобретенного Константином-Кириллом, а потом в основном *кириллической азбуки*. Кириллица появилась после кончины братьев, когда ближайšie ученики, оказавшись в Болгарии, и изобрели кириллицу, более простую по начертаниям азбуку, во многом повторявшую греческие буквы (в настоящее время такое появление двух алфавитов считается доказанным наукой после длительных дискуссий). При этом принцип Учителя для отражения на письме звуков-фонем был сохранен.

В чем дело, что от созданного при жизни Константина-Кирилла и Мефодия ничего не осталось, а язык, связанный с их изобретением и представленный в трудах X-XI веков, переписанных ближайшими по времени уче-

никами Учителей, считается собственно *старославянским* только по первую треть (не позже середины) XI века?

В Европе шла религиозная борьба еще не разъединенных направлений христианства (в 1054 году произошло четкое разделение на православие и католичество). Противники богослужения, проводимого на славянском языке, физически уничтожали и приверженцев этого направления, и все произведения в славянских переводах, которые были разрешены Римом для ведения религиозных служб и просвещения. Поэтому написанными на старославянском и считаются приблизительно около двадцати произведений, созданных (после смерти Кирилла и Мефодия) последователями первоучителей со второй половины IX века по первую треть – половину XI века.

В меньшей мере, чем для религиозных произведений, старославянский язык использовался и для научных трактатов (например, «*О письменах*» Черноризца Храбра, донесшего некоторые сведения об истории складывания славянской азбуки и о жизни Константина-Кирилла и Мефодия), и для художественных целей.

Напомним об удивительной находке 2000 года в Великом Новгороде во время раскопок, когда была обнаружена деревянная книга текстов на старославянском языке (так как время создания сборника «укладывается» в период, признанный для старославянского языка) с неизвестным для восточных славян материалом для письма — воском. В науке этот труд стал называться «*Новгородская псалтырь*», поскольку большая часть текстов — это псалмы. Но есть в этой книге и нерелигиозные тексты, оригинальные — или апокрифические, или еретические. Обнаружены они были в так называемых «скрытых текстах», оставшихся на деревянных крышках продавливанием воска при написании, поскольку потом, после выравнивания воска, шли новые тексты. Только благодаря исследовательскому подвигу ученых (лингвиста А. А. Зализняка, археолога В. Л. Янина, других специалистов) удалось сохранить найденное и донести до широкой заинтересованной публики удивительный языковой источник. Датиров-

ка памятника с помощью комплексных научных методов на несколько десятилетий более ранняя, чем последний точно датированный самим переписчиком памятник «*Остромирово евангелие*» (1056-1057 гг.) [Зализняк, 2003, с. 190-212; Зализняк, Янин, 2001, с. 3-25].

Возникает вопрос, а какой язык называется *церковнославянским*.

Переписывать религиозные книги приходилось и в последующие века (после второй половины XI века), появлялись новые писцы. Это происходило у разных славянских народов, которые с течением времени, при изменении условий жизни отдалялись друг от друга, теряли близость в своем языковом состоянии. Переписчик при переписывании религиозных произведений, созданных ранее, невольно вносил особенности своей речи: восточный славянин — восточнославянские особенности (русские, украинские, белорусские), южный славянин — южные (болгарские, сербские и т. д.), западный славянин — западные (чешские, лужицкие, польские). Такие памятники назывались «*изводами*» (русскими, чешскими, болгарскими...) в зависимости от языка, которым пользовался писец. И этот язык, «продолжатель» старославянского, но с чертами соответствующих развивающихся языков славянских народностей, и называется «*церковнославянским такого-то извода*».

Например, в памятнике псковской письменности XVI века, посвященном житию псковского святого Саввы Крыпецкого, отмечены наряду с церковнославянскими показателями не просто русские языковые черты, а именно типичные для псковских говоров: «**и мѣсто то вѣше лесно и влато велне вѣше и примошне прилегло около холъмоу...**» (Память, л. 384, стлб. I) [Серебрянский, 1908, с. 533]. Слово **примошне** не зафиксировано ни в одном из исторических словарей [например, СлРЯ XI-XVII]. Образовано оно приставочно-суффиксальным способом от псковского слова *мох* в значении 'болото' и означает 'место, близкое к болоту' (псковичи хорошо знают распо-

жение Крыпецкого монастыря). В этом же отрывке встречается и старославянское слово с неполногласием (**БЛАТО**), и проявление так называемого «второго полногласия» под влиянием правки церковнославянских текстов по образцу болгарских, которые считались более нормативными в сохранении черт старославянского языка, без внесения особенностей речи писца (**ОКОЛО ХОЛЪМОУ** — форма родительного падежа единственного числа у существительного мужского рода с новым окончанием -у вместо закономерного -а), хотя в этом же памятнике есть и типично русское написание **ХОЛМЪ**, в отличие от старославянского **ХЛЪМЪ** и церковнославянского с «вторым полногласием» **ХОЛЪМЪ**, появившегося при правке церковнославянских памятников.

В древности приходилось не только переписывать уже переведенные религиозные тексты, но и создавать новые для религиозных нужд, в частности в защиту значимости христианской веры. Б. А. Ларин, прослеживая историю русского литературного языка, исследовал и произведения проповеднической литературы XI-XIII веков, которые играли большую роль в истории российского общества [Ларин, 1975].

В XIV-XV веках в Болгарии был очередной подъем славянской книжной культуры, а на Руси было обнаружено ослабление норм книжной церковнославянской письменности. Поэтому были приглашены специальные ученые «править» тексты, исполненные на церковнославянском языке русского извода. Российские правители хотели, чтобы русские писцы строго следовали старославянским образцам. Период XV-XVI веков назван в науке «вторым южнославянским влиянием» на Руси, когда ограничены были восточнославянизмы и вернулись формы со старославянскими нормами. В 1499 году архиепископ Геннадий закончил составлять полный библейский свод всех книг Ветхого и Нового Заветов («Геннадиевская библия»).

Для нормализации церковнославянского языка большую роль сыграло книгопечатание: нельзя было в большом количестве изданных экземпляров допускать брак — ошибки. Исправляли книги по образцу Киево-Могилевской академии (высшей духовной школы): правила, сверяя с греческими образцами. В XVI-XVII веках задумывались специально об орфографии: предполагали, что верное написание — это и верная вера. С этим связана и правка церковных книг при патриархе Никоне и царе Алексее Михайловиче, что привело к расколу русской православной церкви. В официальной церкви затем главным образцом считался Синодальный. Образцовой явилась «*Елизаветинская библия*» (1751 г.). С XVIII века важными стали московские предписания [Живов, 2013, с. 9-20].

Итак, церковнославянский язык играет большую роль в жизни восточных славян. Довольно строго соблюдалась парадигматика (система форм) в церковнославянских текстах — соблюдалась традиция. Но постепенно в памятники все-таки проникали местные, национальные особенности. Даже в такие книжные глагольные формы, как причастия. Так, от глагола **МОШТИ** ‘мочь’ (с корнем **МОГ-**) полное действительное причастие настоящего времени приобретает форму именительного падежа мужского рода единственного числа **МОГАН** ‘могущий (что-нибудь сделать)’ с показателем **-а** (под влиянием восточнославянского, древнерусского языка) вместо традиционного старославянского показателя **-и**.

Работа по нормализации церковнославянского языка нового извода требовала составления учебников, словарей. Некоторыми мы пользуемся до сих пор, например «*Словарем церковнославянского и русского языка*» 1847 года, составленным Вторым отделением Императорской Академии наук [Словарь, 1847].

Б. А. Ларин в своих лекциях по истории русского литературного языка фактическими примерами доказывает влияние старославянской письменности, затем церков-

нославянской на русский литературный язык на всех этапах его развития [Ларин, 1975].

Представляя на рубеже XX-XXI веков учебник церковнославянского языка, Н. И. Толстой в предисловии к первому изданию 1996 года пишет: «Без церковнославянского, бытовавшего на Руси, трудно себе представить развитие русского литературного языка во все эпохи его истории» [Толстой, 2013, с. 3]. Важно, что ученый подчеркивает нынешний этап церковнославянского языка, называя этот язык «*новоцерковнославянским*»: «Тот церковнославянский язык, который мы слышим в храмах и находим в церковных книгах, в науке теперь принято называть *новоцерковнославянским*, на нем пишутся новые церковные тексты: акафисты, службы новопрославленным святым» [Там же]. Хорошо зная историю этого языка, Н. И. Толстой отмечает, что даже в католических храмах (хорватско-глаголического варианта и чешского варианта) изредка службы ведутся на церковнославянском языке [Там же, с. 5]. В настоящее время мы встречаемся с *новоцерковнославянским* языком в храмах и в религиозных книгах, а в быту, даже в разговоре на религиозные темы, используем русский язык, даже священное писание часто читаем по-русски. В современном русском литературном языке используем большое число «*старославянизмов / церковнославянизмов*» на разных языковых уровнях, подчас не подозревая, что привычные нам слова являются в языке «чужими», заимствованными, правда, из родственного языка (*время, освящение* и др.), или включают только «чужие» морфемы (*читающий, исход, предлог* и др.).

Изучать церковнославянский язык, как и старославянский, как и родной современный русский язык, — необходимое и увлекательное, полезное занятие для носителя русского языка, поскольку эти языки помогают понять национальный характер славянина вообще и русского славянина в частности.

Хочется завершить разговор об указанных языках взволнованными словами академика Н. И. Толстого: «Мы вновь ценим то, что испытано поколениями и что, несмот-

ря на все попытки “разрушить до основания”, передано нам в наследие веками. К таким ценностям относится древний книжный *церковнославянский язык*.

Его живительный *первоисточник* — *старославянский язык*, язык святых первоучителей славянских Кирилла и Мефодия, называемых за их подвиг создания и распространения славянской грамоты и богослужения равноапостольными, был одним из древнейших книжных языков Европы» [Толстой, 2013, с. 3].

Литература

Живов В. М. Исторический очерк о церковнославянском языке // *Плетнева А. А., Кравецкий А. Г.* Церковнославянский язык. [5-е изд., стер.]. М., 2013. С. 9-20.

Зализняк А. А. Проблемы изучения Новгородского кодекса XI века, найденного в 2000 г. // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов, 2003, Любляна. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 190-212.

Зализняк А. А., Янин В. Л. Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга // Вопросы языкознания. 2001. № 5. С. 3-25.

Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (XI – сер. XVIII в.). М., 1975.

Память преподобного отца нашего Савы пустынножителя, нового чудотворца псковского // *Серебрянский Н. И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле // Чтения ОИДР. Кн. IV. М., 1908. С. 532-533.

Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-29. М., 1975-2011. [В сокращении: СлРЯ XI-XVII.]

Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук [в 2 кн.: 4 т.]. Репр. изд. [1847 г.]. СПб., 2001. [В сокращении: Словарь, 1847.]

Толстой Н. И. Предисловие к первому изданию // *Плетнева А. А., Кравецкий А. Г.* Церковнославянский язык. [5-е изд., стер.]. М., 2013. С. 3-8.